

Андреас Умланд

Берлин, Киев, Москва и новые подводные газопроводы: немецкая геоэкономика в лабиринте российско-украинских отношений*

«Пойдет ли газ в обход Украины в связи с запланированным строительством трубопровода по дну Черного моря?... Идет ли речь только о Газпроме, или и о других игроках?»¹

Гюнтер Оэттингер, комиссар Европейского Союза по вопросам энергетики

«Крым, Малороссия, Белоруссия, казацкие степи Казахстана, Приднестровье, Прибалтика – это родовая территория русской нации.»²

Дмитрий Rogozin, заместитель председателя правительства Российской Федерации

В то время как интерес ведущих политиков и широкой общественности ФРГ к Российской Федерации за последние 20 лет заметно вырос, внимание немецких масс-медиа и влиятельных элит к другим бывшим советским республикам осталось низким. Заметное появление, например, Украины в СМИ Германии обычно увязывается с большими общественными, культурными или спортивными событиями, например, «оранжевой революцией» 2004 г., киевским конкурсом Евровидения 2005 г. или чемпионатом Европы по футболу 2012 г. Лишь изредка зна-

* Статья была ранее опубликована в электронном издании журнала *Континент* и на сайте *Geopolitika.lt*. Части текста также опубликованы в газетах *День*, *Зеркало недели* (Киев) и журналах *Forum für osteuropäische Ideen- und Zeitgeschichte*, *Zeitschrift für Außen- und Sicherheitspolitik*. Критические замечания и ценные дополнения к ранней редакции текста внесли Йенни Альварт (Лейпциг), Богдан Андрошук (Берлин), Йонас Грэтц (Цюрих), Аннет Юлиус (Бонн), Ирене Ган (Берлин), Михаэль Ген (Гайдельберг), Мириам Космель (Киев), Штефан Майстер (Берлин), Андреас Метц (Берлин), Роман Ницович (Киев), Хайко Пляйнес (Бремен), Йоганнес Пост (Киев), Эберхард Шнайдер (Зиген), Ганс-Хеннинг Шрёдер (Берлин), Ульрих Шпек (Гайдельберг), Андреас Штайн (Киев), Сузан Стюарт (Берлин), Дитмар Штюдеманн (Берлин), Уве Умлауф (Киев), Томас Фогель (Брюссель), Ганс-Георг Вик (Берлин) и Кристиан Випперфюрт (Берлин), за что я сердечно их благодарю. Высказываю особую благодарность Вилфриду Йилге (Лейпциг) за подробный комментарий, а также полезные предложения к первичному тексту. За оставшиеся ошибки или неправильные истолкования ответственность несу я.

¹ Speech of Commissioner Oettinger at the South Stream event. Brussels, 25. May 2011. http://eeas.europa.eu/delegations/russia/documents/news/20110525_en.pdf.

² Rogozin Д.А. Основы национальной пропаганды. Глава из книги *Враг народа* (Часть 2). М., 2006. <http://rys-archipelag.ucoz.ru/publ/9-1-0-498>.

чимые общественные тренды в т.н. «Промежуточной Европе» между ЕС и РФ, в частности такие, как лишение свободы оппозиционных политиков в Беларуси и Украине, становятся предметом адекватного освещения и обсуждения.

Правда, в среде немецких внешнеполитических и -экономических экспертов за прошедшие годы интерес к некоторым из шести стран-участниц программы Восточного партнерства ЕС усилился. Это проявляется, например, в растущем количестве публичных дискуссий и конференций по Украине или Южному Кавказу в разных научных институтах, политических фондах и гражданских организациях в Берлине. Тем не менее, для широкого общественно-политического дискурса и впредь остается типичным далеко идущее игнорирование, а иногда даже явное безразличие в отношении восточноевропейских и кавказских республик бывшего Советского Союза.

В случае с некоторыми из этих стран это особенно проблематично из-за того, что они принадлежат к числу главных жертв нацистской агрессии во время Второй Мировой войны. В частности, Беларусь и Украина пострадали от немецкой политики уничтожения 1941–1944 гг. не меньше, а может даже больше, чем нынешняя Российская Федерация, большая часть которой не была оккупирована Третьим Рейхом и его союзниками. Более того, Беларусь и Украина являются теми восточнославянскими государствами, которые сегодня, с одной стороны, вызывают особый интерес со стороны Москвы, а с другой – явно пребывают в тени германской политики относительно России.

Продолжающееся невнимание со стороны немецких политиков и средств массовой информации, в частности, к Украине, в последние годы стало сомнительным с точки зрения не только исторической ответственности, но и международной безопасности. Политическое значение растущей активности немецких предприятий и общественных деятелей в геоэкономике Восточной Европы – в особенности, в известных российских газопроводных проектах – осознается в недостаточной степени.

Международно поддерживаемые инвестиции Москвы по строительству и эксплуатации новых трубопроводов для российского и центрально-азиатского газа может, на первый взгляд, произвести впечатление сугубо экономических сделок между Западной и Центральной Европой и Россией. Однако они имеют и геополитическое значение, так как могут быть использованы в конфликтах вокруг будущей политической ориентации и государственного суверенитета некоторых бывших нероссийских советских республик – в первую очередь, Украины и Беларуси. Тогда как для общественности Германии это взаимоотношение остается в тумане, для украинцев тесная связь между немецко-российскими экономическими отношениями, с одной стороны, и будущей независимостью и целостностью украинского государства, с другой стороны, является очевидным фактом.

Неприятный привкус немецкой политики в отношении России

Политики и менеджеры ФРГ, принимающие участие в геоэкономическом сотрудничестве с Кремлем, самым решительным образом возразили бы против обвинения в своей причастности к российским неоимперским схемам. Однако каждый, кому известны механизмы внутренней и внешней политики нынешнего кремлевского руководства, знает, что деятельность крупных государственных российских концернов разворачивается отнюдь не только в русле экономических прерогатив. Это касается прежде всего самого крупного игрока такого рода – концерна «Газпром» – вовлеченного в самые разные геоэкономические и полуполитические проекты внутри и вне России. При этом, как свидетельствует нынешний спор вокруг цены на газ для Украины, стремление к получению прибыли, с одной стороны, и геополитический расчет, с другой, не обязательно вступают в противоречие друг с другом.

Каждый, кому знаком внешнеполитический образ мышления сегодняшнего российского руководства, также подтвердит, что одним из приоритетов Кремля в так называемом «ближнем зарубежье» РФ является Украина. Потеря Киева – колыбели всех трех восточнославянских титульных наций – донныне вызывает фантомную боль в коллективной душе русского общества. Особенно раздражает многих русских «патриотов» в распаде Советского Союза то, что Крым, населенный преимущественно этническими русскими и важный как с точки зрения российской национальной мифологии, так и военной стратегии, а также туризма, по исторической случайности отошел к Украине, а не к России. Поэтому важной целью внешней политики Кремля сегодня является как можно более тесная новая привязка Украины к Российской Федерации, а в идеале – создание нового союза трех восточнославянских (а также некоторых других бывших советских) республик. Разумеется, все это должно происходить под предводительством Москвы.

Следует, правда, согласиться с критикой Якопо Марии Пепе американского неоконсервативного постулата о том, что «экспорт [энергии в Европу – А.У.] из России представляет жизненную угрозу»³. Такой подход ложен хотя бы ввиду того, что зависимость России и Европы является обоюдной. Не только Европа зависит от поставок российских энергоносителей. Россия также нуждается в европейском рынке сбыта нефти и газа, в особенности в платежеспособных потребителях в Западной Европе, для наполнения своего государственного бюджета. Однако многие политические обозреватели и на Востоке, и на Западе согласились бы с тем, что стабильность отношений между Москвой и Киевом, а также соблюдение элементарного баланса сил в отношениях России и Украины имеют

³ Pepe J.M. Die Gasversorgung Europas: Das Dreieck EU - Russland – Ukraine zwischen Geopolitik, Geoökonomie und Securitization. Potsdam, 2010. P. 14. http://opus.kobv.de/ubp/volltexte/2011/5023/pdf/hor21_03.pdf.

фундаментальное значение для европейской архитектуры безопасности, возникшей после окончания «холодной войны».

В этом контексте сочетание весомого – хотя и базирующегося в основном на сырье – экономического потенциала России с частными интересами ряда значимых немецких экс-политиков, менеджеров и предпринимателей создает нездоровую смесь. Кремль искусно использует наивность, беспечность и самообман некоторых немецких деятелей относительно мотивов и геостратегического контекста российской внешнеэкономической политики в Восточной Европе. Газопровод «Северный поток» – один из крупнейших инфраструктурных проектов в истории Европы – на сегодня самый яркий тому пример. Через него по дну Балтийского моря осуществляются поставки российского газа, который до недавнего времени протекал преимущественно по территории Украины (и в меньшей мере Беларуси), в первую очередь, в Германию. Поставки в обход Украины и являются главным смыслом и целью дорогостоящего трубопровода⁴. При этом России на руку то, что во времена Советского Союза вначале были исчерпаны украинские залежи газа (за исключением сланцевых месторождений), в то время как часть сибирских месторождений долго оставалась нетронутой.

Не исключена и возможность реализации еще более дорогого – ввиду большей глубины Черного моря – российского проекта «Южный поток». Сооружение второго, черноморского газопровода имело бы далеко идущие последствия для российско-украинских отношений. В сочетании с «Северным потоком» и «Белтрансгазом», белорусским газопроводом, который уже находится под контролем «Газпрома», «Южный поток» превратил бы, выражаясь словами руководителя «Газпрома» Алексея Миллера, крупнейший стратегический актив Украины – ее газотранспортную систему (ГТС) – в «металлолом». Ведущий европейский эксперт по вопросам восточноевропейской энергетики Йонас Грэтц (Цюрих) подтверждает, что «проект "Южный поток" и нацелен на то, чтобы подорвать переговорную позицию Украины как государства-транзитера [...]»⁵. Грэтц отмечает касательно «Северного потока», что уже этот газопровод «размывает статус Украины как важнейшего транзитного государства для поставок российского газа в Европу, что усиливает позицию "Газпрома" на переговорах и повышает возможность применения газа как политического инструмента»⁶. Другой западный обозреватель и вовсе высказывает мнение, что «оба газопровода ["Северный" и "Южный поток" – А.У.] после завершения их строительства могли бы де факто поставлять совокупный объем газа, протекающего по территории Украины, в Европу, вследствие чего удалось бы добиться почти полного решения проблемы украинской ГТС»⁷.

⁴ Stratfor: Russia's Nord Stream pipeline weakens Ukraine's position // Kyiv Post. 8 сентября 2011.

⁵ Grätz J. Russia's Pipeline Overstretch: Market Monopolization at the Expense of Reliability // Russian Analytical Digest. 2012. № 113. P. 9-12, здесь p. 11.

⁶ Ibid. P. 10.

⁷ Pepe. Die Gasversorgung Europas. P. 110.

Следствием этого стал бы еще более сильный сдвиг в корреляции сил в Восточной Европе, чем тот, который уже произошел в результате поэтапного ввода в эксплуатацию двух первых нитей «Северного потока» в 2011–2012 гг. Столь глубокие изменения в раскладе экономических сил в Восточной Европе несут в себе угрозу подрыва европейской архитектоники безопасности. Ее, и этого не следует забывать, со времени окончания «холодной войны» неоднократно сотрясали военные конфликты на посткоммунистическом пространстве, в частности, в бывшей Югославии, Молдове, а также на Северном и Южном Кавказе.

Ряд немецких фирм и публичных деятелей пошел на несоразмерно тесное сотрудничество с государственными и близкими к правительству российскими экономическими структурами. В частности, удивляет видная роль бывших ведущих политиков Социал-демократической партии Германии (СДПГ) в дочерних кампаниях концерна «Газпром»: бывший федеральный канцлер Герхард Шрёдер с 2005 года является председателем наблюдательного совета компании по эксплуатации «Северного потока», в то время как бывший мэр Гамбурга Хеннинг Фошерау с апреля 2012 года выполняет ту же функцию в составе акционерной компании по транспортировке газа через «Южный поток». Поражает то, как без тени стеснения высокие представители немецкой социал-демократии выступают в защиту интересов государственного концерна, действующего по указаниям все более явно авторитарного режима Путина и воплощающего его сомнительные геоэкономические проекты⁸. Украинские оппозиционеры связывают к тому же это явление со странным сотрудничеством, которое поддерживает социал-демократическая фракция в Европейском Парламенте с Партией регионов Януковича (другими партнерами которой являются путинская «Единая Россия» и Коммунистическая партия Китая)⁹.

В Германии принципиально осознают одиозность этих политических и экономических отношений части немецкой элиты с Россией. Иногда они становятся предметом едких комментариев немецких журналистов. Возможно, ввиду политической и этической амбивалентности этих отношений, дискуссии об их возможном побочном ущербе, геостратегических подтекстах и долгосрочных последствиях, однако, проходят преимущественно вполголоса. В украинских СМИ же, а также в среде украинской диаспоры, политическая дружба между Германией и Россией и растущее экономическое переплетение их интересов в последние годы стало злободневной темой. Причина этого – ощущение украинской элиты,

⁸ По поводу таких же, хотя и менее ярко выраженных тенденций в христианско-демократических кругах см.: Wehner M. So schön kann Russland sein: Adel, Gasпром, der Bundespräsident und die CDU. Die «neue Generation» fliegt zum Netzwerken nach Moskau // Frankfurter Allgemeine Zeitung. 14 мая 2011.

⁹ Kuzio T. Strange Bedfellows: EU Socialists and Yanukovich // EUobserver. 29 октября 2010. <http://euobserver.com/7/3158>; Umland A. Is Europe Losing Ukraine? EU representatives have failed to stand up against the recent decline of Ukrainian democracy // Foreign Policy Journal. 12 апреля 2010. <http://www.foreignpolicyjournal.com/2010/04/12/is-europe-losing-ukraine/0/>.

что восточноевропейская политика Германии в сфере энергетики осуществляется за счет украинского суверенитета¹⁰.

Правда, такие обвинения сами по себе вводят в заблуждение. Более того, некоторые голоса в украинской прессе и провокационные политические комментарии («Четвертый рейх», «Дранг нах Остен» и т.д.) просто примитивны¹¹. Еще более неуместно то, что с недавних пор немецкое пугало используется близкими к украинскому правительству «политтехнологами» для манипуляции внутривнутриполитических настроений, в частности, когда на Ангелу Меркель взваливают вину за перебои в европейской интеграции Украины в период неуклюжего президентства Януковича.

Однако, с одной стороны, следует принимать в расчет то, что украинское государство молодо, а потому все еще хрупко. Украинская интеллигенция чутко отслеживает и резко реагирует на все, что хотя бы создает впечатление опасности для только что добытой независимости. Явная несдержанность и отдельные преувеличения в украинских оценках политики Германии по отношению к России пронизаны недоверием не столько к Берлину, сколько к намерениям Москвы относительно Украины. До сих пор правилом в постсоветской Украине – и этого не следует забывать – была широко распространенная «германофилия», которая лишь в последнее время в связи с отношениями между Германией и Россией, которые рассматриваются как опасные для Украины, частично трансформируется в «германофобию».

С другой стороны, экономические аргументы в пользу затратных подводных газопроводов неубедительны ввиду хотя и требующей обновления, но все же высокой пропускной способности ГТС Украины. Общая стоимость «Северного» и «Южного потока» может составить около 40 млрд. евро¹². Существуют более выгодные альтернативные стратегии обеспечения снабжения Европы газом, чем дорогостоящие оффшорные трубопроводы. Грэтц обратил внимание на то, что с полным вводом в эксплуатацию «Северного потока» в конце 2012 года пропускная мощность России по поставкам газа в направлении Европы уже достигла уровня в 250 млрд. куб. м., хотя реальные потребности в экспорте газа, например, в 2011 году составляли всего лишь 112 млрд. куб. м.¹³

Часто строительство газопроводов в обход Украины оправдывается немецкой стороной тем, что для Запада Россия является исторически проверенным партнером по энергетическим вопросам. Москва, даже во времена «холодной войны» и невзирая на неоднократные политические эскалации, никогда не ставила под вопрос энергообеспечение Западной Европы. Однако при такой аргументации остается неясным, почему бывшая надежность поставок из СССР сегодня ставится

¹⁰ Kuzio T. Germany against Kyiv's Westward push // Kyiv Post. 3 апреля 2008.

¹¹ См., напр. перевод на немецкий язык гротескных статей киевского политтехнолога Бондаренко, а также некоторые связанные с ними дискуссионные статьи на сайте «Ukraine-Nachrichten» (www.ukraine-nachrichten.de).

¹² Grätz. Russia's Pipeline Overstretch. P. 9.

¹³ Ibid.

в заслугу одной России, а не Украине и Белоруссии, которые также входили в состав Советского Союза. Даже иногда проскальзывающее циничное противопоставление украинской относительно «плюралистической нестабильности», с одной стороны, и российской «авторитарной стабильности», с другой, потеряло свою убедительность со времен московских декабрьских акций протеста 2011 года с последующей делегитимацией путинской политической системы. То, что Российская Федерация за прошедшие 20 лет оказалась втянутой в различные военные акции как внутри страны, так и за ее пределами, в то время как независимая Украина – невзирая на все скандальные столкновения в парламенте – с 1991 года идет по пути мирного развития, в такой аргументации не упоминается.

Помимо этого, недавнее поведение России в сфере европейской энергетической политики также вызывает мало доверия. Например, в 2009 году Кремль отозвал российскую подпись под Энергетической хартией ЕС, которую Украина уже ратифицировала. Компании по эксплуатации как «Северного», так и «Южного потока», призванные главным образом обеспечивать газом страны-члены ЕС, зарегистрированы в хорошо известном среди аналитиков постсоветских олигархов швейцарском кантоне Цуг. Во время волны похолодания в феврале 2012 года проявилась своеобразная «избирательная» надежность «Газпрома» в качестве поставщика газа. Когда концерн оказался не в состоянии удовлетворить повысившуюся потребность в газе как внутри России, так и за ее пределами, он начал ставить выполнение своих договоров в зависимость от политических предпочтений Кремля¹⁴.

Украина и проекты российских трубопроводов

Часто в качестве аргумента в пользу строительства обходных газопроводов по дну Балтийского и Черного морей используются газовые конфликты между Украиной и Россией последних лет, а также их последствия для ЕС и опасность новых подобных разногласий. Неоспоримо и то, что нынешние проблемы Украины в сфере энергетики в значительной степени являются домашними и во многом связаны со свирепствующей коррупцией и недостаточной волей к осуществлению существенных реформ. Так в 2002 году администрацией тогдашнего президента Кучмы был упущен шанс на создание совместного украино-немецко-российского консорциума по эксплуатации и модернизации украинской ГТС¹⁵. В конечном счете, украинское руководство несет львиную долю ответственности за то, что ухудшающееся состояние украинской ГТС способствует повышению интереса Запада к одиозным трубопроводным проектам Москвы.

¹⁴ Idem. Gazprom. Selective reliability as a power instrument // New Eastern Europe. 2 марта 2012. <http://www.neweasterneurope.eu/node/225>.

¹⁵ Из личного общения с послом в отставке Дитмаром Штюдеманном, Берлин, 3 июля 2012 г. См. также: Pepe. Die Gasversorgung Europas. P. 111.

И все же, во-первых, так и невыясненным остается вопрос о мере ответственности украинской стороны за перебои в поставках газа в начале 2006 и 2009 гг. Под давлением не только Москвы, но и ряда западно- и центрально-европейских столиц Юлия Тимошенко, занимавшая тогда должность премьер-министра Украины, в январе 2009 года заключила невыгодный для Украины газовый контракт с премьер-министром России Владимиром Путиным¹⁶. Украинское руководство, видимо, находилось под существенным прессингом. Оно в то время, очевидно, не имело достаточной возможности торговаться с Россией для достижения более выгодной для Украины сделки. Косвенным индикатором этого является, например, наличие в контракте известного условия «take or pay», в соответствии с которым клиент облагается огромными штрафами в случае отказа покупать предусмотренный контрактом объем поставок. В ноябре 2009 года эта оговорка была временно приостановлена¹⁷.

Газовый контракт 2009 года стал причиной более высокой цены на газ для Украины, чем для богатой Германии. И это несмотря на то, что Украина, благодаря Харьковским соглашениям 2010 года, получила скидку по сравнению с договором 2009 г. По новому соглашению цена на российский газ для Украины на десять лет снижается в размере 100 долларов США за тысячу кубических метров в обмен на продление до 2042 или 2047 года аренды на территорию площадью в 18 тысяч 240 гектаров в Севастополе и вокруг него, на которой размещается военная база российского Черноморского флота.

Несмотря на Харьковские соглашения и эту скидку, сегодня возникла угроза того, что по прежнему внушительная цена для Украины за российский газ может стать удавкой для ее и без того шаткого государственного бюджета. Это обстоятельство и неуступчивость российской стороны на переговорах об установлении новой цены на газ для Украины позволяют сегодня Москве считать себя явным победителем газового конфликта начала 2009 года – вне зависимости от причин его возникновения. Показательно и то, что Москва в течение многих лет жаловалась на то, что Украина получала российский газ по более низким ценам, чем на мировом рынке, но теперь не желает отойти от полученной в результате кабального договора 2009 года цены на украинский газ, которая существенно превышает уровень, установленный для ее финансово значительно более сильных западноевропейских партнеров.

Во-вторых, с подводными трубопроводами связаны не только сомнительные политические практики Кремля, но и последующие затраты, а также новые риски для Европы. В связи с политической нестабильностью в черноморском регионе с «Южным потоком», оценочная стоимость строительства которого составляет не менее 18 млрд. долларов США, могут быть связаны не меньшие, а может

¹⁶ Точнее говоря, договор конечно же был заключен между государственными концернами «Газпром» и «Нефтегаз». Однако он стал предметом переговоров между обоими руководителями правительств.

¹⁷ Пере. Die Gasversorgung Europas. P. 106

быть и большие риски, нежели с украинским сухопутным маршрутом прохождения газа из России или Центральной Азии. «Северный поток» оставит не у дел не только часть транспортной инфраструктуры Украины, но и Словакии, а также Чешской Республики и Австрии, и сделает необходимыми инвестиции в технологию переправления объемов газа из Западной в Центральную и Восточную Европу¹⁸.

Неясна также и будущая роль больших украинских газохранилищ, полезность которых проявилась в экстремальных климатических условиях начала 2012 года. Если в связи с переброской объемов газа, которые до сих пор проходили через территорию Украины, эти хранилища в будущем будут пустовать, ЕС может навредить сам себе. Грэтц указывает на то, что при общей оценке стоимости проекта строительства газопровода по дну Балтийского моря «необходимо учитывать дополнительные затраты на строительство новых мощностей для хранения, поскольку Украина обладает мощными хранилищами, которые придется восполнить, если "Северный поток" должен будет заменить украинский транспортный коридор»¹⁹.

Как бы не оценивалась продуманность и надежность новых подводных трубопроводов для Запада, ясно одно: чем меньше Россия нуждается в газопроводах Украины для экспорта своего газа в ЕС, тем слабее становится взаимозависимость обеих стран. Даже если – хотя в настоящее время этого не наблюдается – Украина вскоре форсирует освоение своих сланцевых месторождений и других источников энергии, для Киева альтернативы российскому газу на ближайшие годы не будет. Если российские оффшорные проекты будут полностью осуществлены, Москва шаг за шагом освободится от сковывающей ее зависимости от украинской ГТС. До сих пор всякое обострение в отношениях между Россией с Украиной и Беларусью создавало угрозу своевременным поставкам энергоносителей из Сибири и Центральной Азии в Центральную и Западную Европу. Поэтому эскалация политического напряжения между тремя странами могла нанести ущерб российскому бюджету, а также репутации Кремля как поставщика энергии.

Если же Россия в недалеком будущем окажется в состоянии выполнять большую часть своих обязательств по газовым поставкам перед Западом без обоих «братских народов», такой зависимости уже не будет. В худшем случае это может подвигнуть Кремль на более бесцеремонное поведение в вопросе соблюдения территориального суверенитета своих славянских стран-соседей. То, что такой сценарий не исключен, продемонстрировали российские акции последних 20 лет в Приднестровье, Абхазии и Южной Осетии.

За прошедшие годы Германия – по крайней мере, в глазах киевской политической элиты – выступала в роли «подносчика снарядов» в геοэкономических ро-

¹⁸ Grätz. Russia's Pipeline Overstretch. P. 10.

¹⁹ Ibid.

кировках Кремля. К этому следует добавить, что позиция Ангелы Меркель на Бухарестском саммите НАТО весной 2008 года, возможно, оказалась решающей в принятии тогда решения об отказе присоединить Украину и Грузию к Плану действий по обретению членства в Североатлантическом альянсе. Остается упомянуть о том, что сотрудничество Германии с государственными концернами РФ подвергается жесткой критике не только украинских патриотов, но и российских оппозиционеров, например, Алексея Навального. Российские нарекания связаны скорее с внутри-, а не с внешнеполитическим измерением такого сотрудничества, которое, по мнению Навального, усиливает авторитаризм и коррумпированность нынешних правителей Кремля²⁰.

На этом фоне радует недавняя инициатива немецкого предприятия «Ферросталь» по предоставлению Украине оборудования для модернизации части украинской газотранспортной системы²¹. Этот проект сопровождается Восточным комитетом немецкой экономики, которым с некоторого времени руководит авторитетный эксперт по Украине и Беларуси, доктор исторических наук Райнер Линднер. Вначале частичное, а позже, не исключено, и полное обновление украинской сети трубопроводов и хранилищ было бы менее затратным, чем «Южный поток». При условии успешной реализации оно, вероятно, сделало бы экономически еще более бессмысленными проекты «Газпрома» в Балтийском и Черном морях.

Дорогие подводные трубопроводы и без того постепенно теряют смысл ввиду снижения российских газовых запасов, освоения мировых залежей сланцевого газа, поставок сжиженного газа из Ближнего Востока, а также ряда конкурентных планов по прокладке сухопутных труб. На этом фоне некоторые обозреватели считают «Южный поток» просто кремлевским блефом. Смысл громкого протезирования газпромовского проекта, согласно этой интерпретации, заключается не в подготовке его реального осуществления, а в том, чтобы оказывать давление на Украину и побудить Киев к передаче своей газотранспортной системы, нуждающейся в санации, «Газпрому», как это сделал ранее Минск с «Белтрансгазом».

Второй пилотный германский проект аналогичной направленности, инициированный недавно Восточным комитетом немецкой экономики, касается энергосбережения – также злободневной темы для Украины, страны с одним из самых высоких уровней энергопотребления на душу населения. С помощью ряда немецких предприятий галицкий городок Жовква должен превратиться в «энергоэффективный город». Санация коммунальной инфраструктуры Жовквы посредством различных энергосберегающих технологий могла бы стать моделью для

²⁰ Kreimeier N. Russlands Opposition klagt Deutschland an: Interview mit Alexej Nawalny // Financial Times Deutschland. 2 марта 2012.

²¹ Socor V. Ukraine Enlists German Effort to Upgrade Gas Transit System Publication // Eurasia Daily Monitor. 2012. Vol. 9. № 126. [http://www.jamestown.org/programs/edm/single/?tx_ttnews\[tt_news\]=39576&cHash=71ee389eed0bfc33c4d4a1c4238907e4](http://www.jamestown.org/programs/edm/single/?tx_ttnews[tt_news]=39576&cHash=71ee389eed0bfc33c4d4a1c4238907e4).

всей Украины. При этом предусмотрено вовлечение населения Жовквы в процесс энергетического переустройства посредством выставок и информационных мероприятий²². Эти заслуживающие одобрения инициативы Восточного комитета немецкой экономики – примеры того, как Германия может реализовать собственные интересы при одновременном оказании помощи Украине в деле модернизации ее общества и консолидации как независимого государства.

Новая восточноевропейская политика

Помимо этого, должно измениться общее видение Германией Восточной Европы, а также удельный вес интереса немецкой общественности к разным посткоммунистическим странам. В свете своего геополитического, военного и энергетического значения Российская Федерация в любом случае останется в фокусе внимания. Однако, по мере активизации Германии на востоке Европы, основанной на чувстве ответственности за бывшие преступления и на целях демократической, объединенной Европы, царящая до сих пор немецкая заикленность на России становится исторически и политически сомнительной²³.

Немецкая переориентация восточной политики должна не только учитывать страдания, которым в равной степени во время Второй мировой войны подверглись русские, украинцы и белорусы. Еще более весомый аргумент – новая общеполитическая ситуация в Восточной Европе в результате мутации структур российской власти в течение последнего десятилетия во внутривнутриполитически авторитарный и внешнеполитически реваншистский режим²⁴. Кремль ныне оказывает поддержку антидемократическим тенденциям на постсоветском пространстве²⁵. Формулой «Евразийского Союза», провозглашенной Путиным в конце 2011 года, Кремль ясно озвучил свои будущие амбиции на территории бывшего СССР²⁶. Уже сегодня существует взаимообусловленность между требуемым Кремлём

²² Rumjantseva I. Ost-Ausschuss initiiert Pilotprojekt in der Ukraine: Die galizische Kleinstadt Schowkwa soll mit deutscher Technik energetisch modernisiert werden // Ost-Ausschuss der Deutschen Wirtschaft. 7 мая 2012. <http://www-ost-ausschuss.de/ost-ausschuss-initiiert-pilotprojekt-der-ukraine>.

²³ Umland A. Für eine neue Osteuropa-Politik: Europas Weg nach Moskau führt über Kiew // Internationale Politik. 2011. Vol. 66. № 4. P. 86-92.

²⁴ Mommsen M. Rußland unter Putin: Von der gelenkten zur imitierten Demokratie // Osteuropa. 2005. № 10. P. 160-164; Heinemann-Grüder A. Kontrollregime: Russland unter Putin & Medvedev // Osteuropa. 2009. № 9. P. 27-48.

²⁵ Ambrosio T. Authoritarian Backlash: Russian Resistance to Democratization in the Former Soviet Union. Farnham, 2009; Köstner A. Russland: Begünstigung autoritärer Tendenzen im postsowjetischen Raum // Deutsches Institut für Entwicklungspolitik: Analysen und Stellungnahmen. 2010. № 2. P. 1-4; Bader J., Gravingholt J., Kästner A. Would Autocracies Promote Autocracy? A Political Economy Perspective on Regime-type Export in Regional Neighbourhoods // Contemporary Politics. 2010. Vol. 16. № 1. P. 81-100.

²⁶ Umland A. The stillborn project of a Eurasian Union: Why Post-Soviet integration has little prospects // Valdai International Discussion Club. 7 декабря 2011. http://valdaiclub.com/near_abroad/35800.html.

вступлением Украины в существующий российско-беларусско-казахстанский Таможенный союз и пересмотром завышенной российской цены на газ для Украины. Чем больше различные жертвы бывшей немецкой агрессии в Восточной Европе будут ссориться друг с другом, тем менее исторически или политически оправданной будет становиться сфокусированность Берлина на Москве.

В свете сегодняшнего расклада сил и интересов в Восточной Европе необходима своеобразная «новая восточная политика» со стороны Берлина. Новый немецкий подход мог бы сочетать в себе высокий уровень внимания к России с постоянной заботой о т.н. «промежуточной Европе» – в первую очередь – об Украине. Такие мысли, правда, уже давно курсируют в Берлине²⁷. Они обрели актуальность уже несколько лет назад ввиду политического отката после прихода к власти Владимира Путина в России и нашли свое выражение в целом ряде политических и аналитических публикаций²⁸. Частично призывы к соответствующей переориентации даже озвучиваются в выступлениях самих вовлеченных в этот процесс действующих лиц²⁹.

Так, в феврале 2012 года межпартийная группа политиков, интересующихся Восточной Европой, в здании Немецкого общества внешней политики в Берлине представила совместный документ о своей позиции относительно активности Германии в рамках Восточного Партнерства ЕС. В нем подчеркивается геостратегическое значение этой инициативы Брюсселя для интересов Германии. В межпартийном меморандуме предлагается назначение немецкого уполномоченного по вопросам Восточного Партнерства и выдвигается требование предоставления странам Партнерства перспективы членства в ЕС в качестве инструмента, дополняющего политику соседства Брюсселя, а также заключение договоров об ассоциации ЕС с такими странами, как Украина, Молдова и Грузия³⁰.

Однако лишь спустя некоторое время можно будет сказать, насколько растущая солидарность разных элитных групп и специализированных организаций ФРГ с «промежуточной Европой», прежде всего с Украиной, реально повлияет

²⁷ См., напр., недавнюю критику в: Stewart S. Prämissen hinterfragen: Plädoyer für eine Neugestaltung der deutschen Russlandpolitik // SWP-Aktuell. A50. Август 2012. http://www.swp-berlin.org/fileadmin/contents/products/aktuell/2012A50_stw.pdf; Meister S. Deutsche Russland-Politik // Internationale Politik. 2012. № 6. P. 54-59.

²⁸ В связи с Украиной см., напр.: Jilge W. Eine verstärkte Unterstützung der Ukraine ist weiter im europäischen Interesse // Jahresbericht der Eberhard-Schöck-Stiftung 2007-2008. Baden-Baden, 2009. P. 28-33. http://www.eberhard-schoeck-stiftung.de/fileadmin/user_upload/eberhard-schoeck-stiftung.de/Publikationen/esst_jb0708_v09_72dpi.pdf.

²⁹ См., напр.: Steinmeier W. Verflechtung und Integration: Eine neue Phase der Ostpolitik der EU // Internationale Politik. 2007. Vol. 62. № 3. P. 6-11; Fücks R. Neighbours Without Fences. The way forward to European Integration, not spheres of influence // IP Global Edition. 2012. Vol. 11. № 5. P. 7-12.

³⁰ Meckel M., Milbradt G., Pflüger F., Schwarz-Schilling C., Steenblock R., Süßmuth R., Verheugen G., Voigt K.D. Deutsche Außenpolitik und Östliche Partnerschaft. Positionspapier der Expertengruppe Östliche Partnerschaft / Ed. I. Hahn, G. Schuch // DGAPstandpunkt. 2012. № 1. <https://dgap.org/de/think-tank/publikationen/dgapstandpunkt/deutsche-au%C3%9Fenpolitik-und-%C3%B6stliche-partnerschaft>.

на процесс принятия решений в немецком руководстве. Невзирая на политический регресс последних лет в России и его громкое осуждение в СМИ ФРГ, при практической реализации восточной политики Германии, как и ранее, действовал принцип «Россия прежде всего»³¹. Это несложно проследить по графику визитов и приемов различных федеральных правительств, а также многих близких к ним немецких организаций, последнего десятилетия. Повышенное внимание к Украине в более ранние периоды, в частности, во время «оранжевой революции» в конце 2004 года, никогда даже приблизительно не достигало уровня интереса к России и имело, если это вообще происходило, лишь ограниченное или запоздалое влияние на внешнюю политику Германии.

Например, влиятельный немецкий политик Вольфганг Шойбле, в то время заместитель председателя фракции партии ХДС/ХСС в Бундестаге и сегодняшний министр финансов ФРГ, в статье, вышедшей в январе 2005 года, непосредственно после украинского электорального восстания, жаловался на то, что «ЕС до сих пор в своих высказываниях о европейской перспективе Украины ограничивался соблюдением принципа равноудаленности». Шойбле требовал: «Теперь ЕС не имеет права бросить эту страну наедине с собой, а должен быть готов к тому, чтобы однажды, при условии установления демократии, правового государства и рыночной экономики, вовлечь ее в структуры ЕС»³². Однако эти и подобные им идеи, озвученные разными политиками стран ЕС во время «оранжевой революции» и после нее, не имели сколь-нибудь существенного эффекта ни для берлинской, ни для брюссельской политики в отношении Украины того времени.

Вместо этого, вскоре, в феврале 2005 года Украина и ЕС приняли т.н. План действий, содержание которого было определено ЕС еще в предыдущем году – то есть еще до успешного свершения «оранжевой революции» в конце 2004 года. Название этого документа, «План действий», стало меткой очковтирательства западных дипломатов, вовлеченных в решение вопроса о европейской интеграции Украины. Они после «оранжевой революции» приняли за основу документ, разработанный еще в период полуавтократического президентства Леонида Кучмы. То, что этот План действий в 2005 г. преподносился в качестве реакции Брюсселя на одну из самых массовых акций гражданского неповиновения в послевоенной Европе, стало иллюстрацией тогдашней неспособности европейской политики к адекватной реакции на крупные исторические события.

ЕС, хотя и с большим опозданием, но все-таки отреагировал на события ноября-декабря 2004 г., когда в 2008 году начал разрабатывать вместе с Украиной особенно подробное Соглашение об ассоциации, включающее углубленную и расширенную зону свободной торговли. Парафированный в 2012 году текст до-

³¹ Kempe I. From a European Neighbourhood Policy toward a New *Ostpolitik*. The Potential Impact of German Policy // CAP Policy Analysis. 2006. № 6. <http://www.isn.ethz.ch/isn/Digital-Library/Publications/Detail/?ots591=0c54e3b3-1e9c-be1e-2c24-a6a8c7060233&lng=en&id=44156>.

³² Schäuble W. Die europäische Integration voranbringen // Frankfurter Allgemeine Zeitung. 27 января 2005.

говора, предусматривающий как политическую ассоциацию, так и далеко идущую экономическую интеграцию Украины в европейский рынок, стал бы самым большим соглашением, которое ЕС когда-либо заключал со страной, не являющейся его членом.

Однако официальной перспективы возможного будущего членства в ЕС для Украины до сих пор нет ни в тексте Соглашения 2012 г., ни в заявлениях Европейского Совета последних лет. И Германия несет часть ответственности за это. Такое упущение связано не только с неподвижностью политической бюрократии ЕС, но и с доселе скептическим отношением части европейских элит к идее вступления Украины в ЕС. Видимо, тут играют немалую роль психологические факторы, которые частично понятны ввиду многочисленных странностей функционирования украинской внутренней политики и все более неуклюжего поведения украинского руководства на международной арене.

И все же, политологические исследования сравнительных европейских студий за прошедшие годы убедительно доказали высокую значимость обставленного определенными условиями предложения о возможном будущем вступлении в ЕС для проведения успешных преобразований в посткоммунистических странах переходного периода³³. К тому же недавно, а именно в связи обретением Турцией статуса кандидата на вступление в ЕС с неясным будущим, был создан прецедент отмены существовавшего доселе автоматизма между перспективой членства (и даже статусом кандидата!) и последующим приемом в Европейский Союз.

На этом фоне, основной причиной относительного бездействия немецкой политики касательно европейской перспективы Украины кажется не какое-то осознанное коллективное решение в коридорах власти ФРГ. Скорее тут главную роль играет простое невнимание к Украине и непонимание ее геополитического значения политической элитой Германии. Эта наивность, в свою очередь, связана с продолжающимся доминированием России в общем видении Восточной Европы, сложившемся в сознании субъектов принятия политических решений в Германии. Несмотря на процитированные заявления Шойбле, а также ряд иных, подобных им высказываний в других политических лагерях ФРГ, в принципиальных приоритетах немецкой восточной политики и ее фиксированности на Москве после развала Советского Союза мало что изменилось. И это несмотря на совершенно иную нынешнюю гео- и внутривосточную ситуацию в Восточной Европе по сравнению с 1991 годом и на все более скептическое отношение немецкого общественного мнения к России.

Немецкий исследователь поздней царской, советской и постсоветской российской политики Леонид Люкс (Католический университет г. Айхштетт, Бавария) в

³³ См., напр., Vachudova A. *Europe Undivided: Democracy, Leverage and Integration after Communism*. Oxford, 2005. О ситуации в Украине, напр.: Solonenko I. *The EU's «Transformative Power» towards the Eastern Neighbourhood: The Case of Ukraine*. SPES Policy Papers. Berlin, 2010. http://www.iep-berlin.de/fileadmin/website/09_Publikationen/SPES_Policy_Papers/The_EU_S_transformative_power_towards_the_Eastern_neighbourhood-the_case_of_Ukraine_Iryna_Solonenko.pdf.

2000 году в своей книге *История России и Советского Союза* указал на то, что процессы сближения Германии и СССР в 1920-е годы при правлении Штреземанна и в 1970-е годы при правительстве Брандта-Шееля в чем-то были похожи. Однако они отличались в частности тем, что Штреземанн в свое время эксклюзивно сосредоточился на Москве, в то время как Брандт и Шеель сознательно проводили одновременную политику примирения как с Польшей, так и с СССР³⁴. Сегодня необходима похожая параллельная стратегия. В сотрудничестве со своими европейскими партнерами Германия должна оказывать более сильную, чем прежде, поддержку консолидации украинской государственности. Вместе с тем, она должна стремиться к тому, чтобы чрезмерно не раздражать Кремль такими действиями, а потому обязана продолжать сотрудничать с Москвой. Такого рода «эквilibристический» подход вряд ли всегда можно будет воплощать гармонично, что, наверное, повлечёт за собой большую или меньшую отчужденность между Берлином и Москвой. И об этом пришлось бы только сожалеть.

Однако, главную вину за такие осложнения в конечном счете несет само нынешнее руководство России. Если бы Россия – ввиду ее больших внутренних проблем – отказалась от своих и без того сомнительных великодержавных притязаний и бессмысленного соперничества с Западом вокруг бывших советских республик, указанной дилеммы для Германии и ЕС не существовало бы. Украина, ориентированная на Запад, не была бы бельмом на глазу для проевропейской России, а наоборот, мостом к ее союзнику. Более того, украинская элита была бы значительно менее антироссийской, а возможно даже заинтересованной в более тесном сотрудничестве с Москвой, если бы та более дружески относилась к Брюсселю и Вашингтону. К политической ассоциации и расширенной свободной торговле, предусмотренным в парафированном Соглашении об ассоциации между ЕС и Украиной, могла бы стремиться не только Украина, но и Россия. Тогда бы не существовало ни большей части спорных вопросов в отношениях между братскими народами, ни связанных с ними разных препятствий в немецко-российских и иных отношениях Москвы с западными государствами.

Однако в вопросе о будущей интеграционной модели Кремль своим давлением на Киев касательно Таможенного союза ставит Украину перед выбором «или – или». Он ведет в жесткой форме спор с Украиной вокруг цен и транспортных путей природного газа. Российские неоимперские устремления недавно нашли свое институциональное проявление в проекте Евразийского Союза, главная цель которого, по словам ведущего российского внешнеполитического эксперта Фёдора Лукьянова, состоит в интеграции России с Украиной³⁵. В связи с этим, видимо, нынешние дипломатические споры с Западом будут продолжаться, а конфронтация между Украиной и Россией углубляться. Германии надо было бы

³⁴ Luks L. *Geschichte Russlands und der Sowjetunion. Von Lenin bis Jelzin*. Regensburg, 2000. P. 243.

³⁵ Lukyanov F. *The Eurasian Misconception* // Valdai International Discussion Club. 30 августа 2012. <http://valdaiclub.com/europe/48300.html>.

более тщательно чем прежде подумать о том, какую позицию ей стоит занять в этих продолжающихся разногласиях.

За последние 20 лет различные составы украинских правительств по целому ряду причин не облегчали четкое позиционирование и активное вовлечение Германии – как и всего Запада – в дела, связанные с Украиной. При Президенте Кучме практиковалась т.н. многовекторная внешняя политика Киева, которая оставляла открытым вопрос о том, куда именно движется Украина. В период с 2005 по 2010 гг. препятствием для более эффективного украинского сотрудничества со всеми внешними партнерами Украины, включая ФРГ – наряду с другими факторами – стало обострение конфронтации между администрацией президента и правительством. После прихода к власти в феврале 2010 года президента Януковича главной проблемой в отношениях между Украиной и Западом стал усиливающийся подрыв и без того слабо развитых демократических институтов и правового государства. Прискорбный политический регресс последнего времени в Украине уже на протяжении нескольких месяцев парализует политические и экономические отношения между Украиной и Западом и препятствует подписанию парафированного Соглашения об ассоциации между Украиной и ЕС.

Несмотря на эти и многие другие проблемы, Германии и всему Западу стоило бы более доброжелательно относиться к Украине. Во первых, глубина нынешних авторитарных тенденций в Украине все ещё меньше, чем в большинстве других постсоветских государств. Во вторых, история украинской политики последних 20 лет была более переменчивой по сравнению, например, с историей России или Беларуси. В частности, украинская политика включала несколько волн демократического подъема и отката. Это позволяет предположить, что маятник вскоре может качнуться опять в другую сторону, т.е. в направлении новой демократизации. Дестабилизация полуавторитарного режима Януковича кажется лишь вопросом времени.

Европейское недоразумение украинского тупика

С одной стороны, следует согласиться с мнением ведущего немецкого специалиста по Украине Вилфрида Йилге (Лейпцигский университет) о том, что в отношениях Киева с Брюсселем мяч находится ныне на половине поля Украины. Йилге считает, что европейский «процесс интеграции существенно выиграл бы в динамике, если бы Украина осознала весь политический масштаб Соглашения об ассоциации и широко использовала бы его»³⁶. С другой стороны, спустя несколько лет лишь медленно растущего внимания европейских элит к Украине, при оценке причин продолжающейся неготовности Украины к началу процесса вступления в ЕС возникает проблема яйца/курицы. Является ли политический откат

³⁶ Из личного общения с Вилфридом Йилге, Лейпцигский университет, 30 июля 2012 г.

последнего времени в Киеве причиной или же в чем-то уже результатом тормозящегося сближения с Брюсселем? В частности, важным обстоятельством, осложняющим прогресс в Украине, было и остается отсутствие и поныне официальной перспективы будущего членства в ЕС. Весомость этого фактора наглядно демонстрирует развитие тех стран центрально-восточной Европы, которые в момент распада советского блока были сопоставимы с Украиной, но к середине девяностых получили четкое представление о том, при каких условиях и каким образом они могут вступить в ЕС. Все эти бывшие члены Варшавского договора, включая даже три бывших республики СССР (Эстонию, Латвию, Литву), сегодня являются более или менее консолидированными демократиями с уже относительно хорошо развитыми правовыми государствами, гражданским обществом и рыночными экономиками.

В свете неутешительного опыта относительного невнимания Брюсселя и Берлина к Украине за прошедшие 20 лет остается открытым вопрос о дальнейшем развитии украино-европейских отношений. Какую степень гибкости продемонстрируют, например, Германия, равно как и другие влиятельные страны-члены ЕС, если, как и в 2005 году после «оранжевой революции», появится шанс на новое сближение Украины с Западом? Готов ли ЕС дать Киеву четкий сигнал касательно возможного будущего присоединения в случае улучшения политической ситуации в Украине?

Страны ЕС уже сейчас, при нынешних полудемократических условиях в Украине, могли бы более интенсивно, чем до сих пор сотрудничать с Киевом в некоторых областях, в частности касательно транспорта и более эффективного использования энергоресурсов. Дорогие российские проекты по сооружению подводных трубопроводов, «Северный поток» и «Южный поток», могли бы уже сегодня рассматриваться как то, чем они являются на самом деле – а именно как скорее геостратегические, нежели экономически обоснованные кремлевские проекты, нацеленные на ослабление позиций Украины. Переоценка немецких интересов в Восточной Европе и основывающаяся на таком подходе переориентация внешней политики Берлина были бы – независимо от нынешнего внутреннего политического состояния Украины – возможны уже сегодня.

Такой шаг со стороны Германии вызвал бы облегчение не только в рядах политического руководства в Киеве, но и в среде всей украинской общественности. Более осязаемое восприятие Германии как друга Украины и партнера в деле консолидации украинского государства облегчило бы и влияние Германии на политические процессы в Киеве. Чем сильнее в Киеве становилось бы впечатление о Германии и всем Западе как о заинтересованной в Украине и дружественной ей стороне, тем больший вес обретали бы брюссельские и берлинские требования приближения Украины к послевоенным европейским стандартам.

Постоянно повторяемый скептиками и противниками сближения Украины с ЕС в Киеве аргумент против ориентации Киева на Брюссель гласит, что поведение Запада в отношении Украины за прошедшие годы было пронизано отсут-

вием интереса, сдержанностью и холодом. Хотя такого рода обобщения упрощают реальность, они небеспочвенны. Главная причина этих явлений, конечно, кроется в манерах международного поведения Украины и ее недавнем отходе от демократических стандартов. Однако, вряд ли можно отрицать, что усилия Запада по удовлетворению даже базовых интересов безопасности Украины за последние 20 лет разворачивались преимущественно в риторической плоскости или же ограничивались определенными формами гуманитарной помощи. Реальные шаги в сторону существенного сближения Запада с Украиной пока отсутствуют, а какая-либо продуманная долгосрочная стратегия в этом направлении никогда не прослеживалась. Часть ответственности за сегодняшний тупик в отношениях ЕС-Украина, таким образом, лежит на Брюсселе и Берлине. Не только Киев, но и руководства ЕС и Германии должны задуматься, каким образом можно привнести некую динамику в процесс европейской интеграции как Украины, так и других восточных партнеров Союза.

Новый подход ЕС мог бы, например, состоять в переосмыслении отказа от подписания парафированного Соглашения об ассоциации с Украиной, как это происходило в последние месяцы. Вместо увязывания подписи под договором с процессом редемократизации Украины можно было бы осуществлять стратегию, предложенную известным лондонским украинистом-политологом Эндрю Вильсоном в конце 2011 года по формуле «подписать и наказать» («Sign and Sanction»)³⁷. При подходящей возможности ЕС мог бы поставить свою подпись под Соглашением об ассоциации, однако увязать его ратификацию с четкими условиями и одновременно применить нацеленные единичные санкции. Брюссель мог бы наложить запрет на выдачу виз украинским чиновникам, судьям и т.д., причастным к сомнительным политическим и юридическим акциям, а также рассмотреть для них другие виды порицания.

Самым важным полем деятельности на ближайшее время должна стать форсированная либерализация визового режима для населения Украины и других стран-участниц программы Восточного Партнерства. Конечно, основная причина того, почему восточные страны-партнеры ЕС до сих пор не получили безвизовый режим, кроется опять-таки в том, что некоторые вопросы, связанные с отменой виз, не решаются самими этими странами. Но недавнее совместное обращение девяти ведущих европейских и турецких экономических объединений по вопросу о либерализации визовой политики в отношениях со странами Восточного партнерства (а также Россией и Турцией) свидетельствует и о другом. Как

³⁷ Wilson A. Ukraine under Yanukovich. The wrong man at the wrong time – building an authoritarian state after the «Arab Spring»: Foreign policy balancing after «Ukrainian fatigue». Доклад на открытии 17-й летней школы «Украиникум» Университета им. Арндта, Научный Коллегиум им. Круппа, Грайфсвальд, 6 июля 2012 г. См. также: idem. Was the Summit Successful? Sanctions Should Start as EU Talks Continue // Kyiv Post, 22 декабря 2011. <http://www.kyivpost.com/opinion/op-ed/was-summit-successful-sanctions-should-start-as-eu.html>.

на уровне ЕС, так и в правительствах ее стран-членов существуют препятствующие этому нормы, стереотипы и подходы, нуждающиеся в пересмотре³⁸.

В любом случае, необоснованный скепсис, исторические предрассудки и бюрократическая инертность со стороны ЕС и его государств-членов являются лишь второстепенными факторами пробуксовки интеграции Восточной Европы, и в особенности Украины, в единую Европу. Главной причиной ущербности дискуссии об альтернативных подходах в восточной политике ЕС является низкий ранг Украины и других восточных партнеров Союза в публичном дискурсе стран-членов ЕС – не в последнюю очередь и Германии. При этом очевидно, что Украина имеет для Брюсселя не только региональное, но и геостратегическое значение. Сдвиг в сторону демократизации в Киеве при поддержке Запада мог бы оказать воздействие и на другие бывшие советские республики и таким образом помочь в достижении более тесного сотрудничества государств северного полушария в целом.³⁹

В свете содействия развитию демократии на постсоветском пространстве Германия и ЕС должны применить более активные политические, а также экономические – а не только дипломатические, гуманитарные или культурные – усилия в отношении стран-участниц программы «Восточное партнерство», в частности Украины. Необходимые общественные предпосылки для успеха таких инициатив не являются идеальными ни в одной из стран Восточного партнерства, а в Беларуси и в Азербайджане они пока вовсе отсутствуют. Однако тем государствам, которые – как, в частности, Украина – хотят этого, может быть оказана уже сегодня западная поддержка в обеспечении их суверенитета против гегемонистских устремлений России, а также в модернизации их экономических и общественных структур.

Стратегия Вильсона «Sign and Sanction», поддерживаемое экономическими объединениями ускорение либерализации визового режима или описанные выше пилотные проекты Восточного комитета немецкой экономики в сфере энергетики указывают возможные пути. Однако ясности в том, удастся ли реализовать эти и похожие проекты, нет, как и не прослеживается наличие общей стратегии. Отдельные акции, такие как разработка Соглашения об ассоциации или включение восточных партнеров в энергетическое сотрудничество стран ЕС, неоднократно уже предпринимались в прошлом и предпринимаются сегодня. Но приведут ли они и подобные им замыслы действительно к существенному повороту в Вос-

³⁸ Ost-Ausschuss der Deutschen Wirtschaft, MEDEF International Confederation of Finish Industries EK, Confederation of Danish Industry, Confindustria, PKPP Lewiatan, Confederation of Employers and Industries of Spain, Turkish Industry and Business Association TÜSIAD, Confederation of Industry of the Czech Republic: Wachstum über bestehende Grenzen hinaus. Gemeinsamer Appell zur Visaliberalisierung mit Russland, der Türkei und Osteuropa. 25 июля 2012. http://www.ost-ausschuss.de/sites/default/files/pm_pdf/Visa-Appell-deutsch.pdf.

³⁹ Umland A. Four Political Dimensions of Ukraine's Future Europeanization // Harvard International Review. 28 июня 2011. <http://hir.harvard.edu/four-political-dimensions-of-ukraine-s-future-europeanization>.

точной Европе и Южном Кавказе, а возможно даже к глубокому сдвигу в отношениях между Брюсселем и Берлином, с одной стороны, и Киевом, Тбилиси, Кишиневом и Ереваном, с другой? Ввиду продолжающегося маргинального положения Украины и других стран Восточного Партнерства на ментальной карте западноевропейских – и не в последнюю очередь немецких – элит, этот вопрос остается открытым.

(Перевод с немецкого: Владимир Швед.
При поддержке фонда им. Фридриха Науманна.
Мнения автора могут не совпадать с точкой зрения фонда.)